

Лит. Россия, 1980, 19 сентя

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

ПРОЗА Анатолия Алексина вошла в нынешнее духовное бытие, и прежде всего, конечно же, потому, что обнажает перед читателем вопросы нравственные, проблемы развития и становления личности.

«Раздел имущества», «Сердечная недостаточность» — именно в сопоставлении с этими вышедшими недавно работами писателя яснее прослеживается поэтика его новой повести «Домашний совет».

Уже сами названия, которые здесь несут не только прямая, но и метафорический смысл, говорят о том, что будет воссоздана непростая конфликтная ситуация. Герои этих произведений совсем молоды, повествование ведется от первого лица, и вроде бы тут рассказ о частных семейных сложностях, но рассказ столь беспощадный, в том числе и по отношению к себе, что, в сущности, мы присутствуем на исповеди, за которой встанут важнейшие, вечные вопросы человеческой жизни, встает Время.

Напряженность во взаимоотношениях Сани Томилкина с его братом Владиком является силой, развивающей сюжет «Домашнего совета».

Итак, задается «тесное» место действия — семья, но тем драматичнее коллизия, которую расматривает писатель. К тому же Саня и Владик не просто братья, они близнецы, и из-за этого значительно ярче выступают причины, по которым диаметрально противоположны их характеры, ведь живут они под одной крышей, в одной семье.

Алексин пишет о вещах простейших, но основополагающих в нашей жизни. В «Разделе имущества» — это самоотверженность бабушки, которая своею любовью к внуку опровергает все предсказания медицинских

светил и ставит на ноги безнадежно больную девочку, и ответная благодарность, беззаветная верность юного человека, готового пожертвовать своим благополучием вопреки «здравому смыслу» окружающих. В следующей повести — это эгоизм, равнодушие к другим, форма душевной неразвитости или «сердечной недостаточности», как определяет ее сам автор, из-за которой умирает прекрасный добрый человек.

В «Домашнем совете» писатель явил перед нами портрет зависти.

Зависть Владика к Сане, который в отличие от него красив и заметен, совершенно искажает, уродует его мироощущение с первых лет сознательной жизни.

Он плачет и катается в истерике оттого, что Саня... здоров. И Саня, чтоб хоть чем-то утешить брата, чуть ли не погибает после того, как долгие время стоит в ледяной воде, лишь бы чем-нибудь заболеть и сравняться с близнецом.

Саня не только красив, он еще и умен, но не смеет на уроке раньше Владика поднять руку, сдать законченную работу, боясь навлечь на себя его гнев.

Постепенно зависть вообще становится доминантой в отношении Владика к окружающему его миру, и он оказывается способен распространять свои восторги только на то, что является его личной собственностью, а потому люди и даже природа вызывают у него массу претензий.

Он своим характером совершенно подминает под себя яркого, доброго и одаренного Саню. Поступает на мехмат в ин-

ститут, о котором его брат мечтал, и даже любимая девушка Сани в конце повести становится его подружкой.

Он лжет, крадет (есть в повести и такой эпизод, правда, и эту подлость, чтоб избежать наказания, он совершает чужими руками), отнимает у брата здоровье (после купания в озере тот становится хронически больным человеком), отнимает мечту (Саня собирается сдавать экзамены в медицинский, только бы учиться отдельно от Владика), отнимает любовь. И постепенно мы понимаем — это не просто поступки ожесточенного, лицемерного юноши. Автор считает: зависть неотвратимо заставит человека попортить все основные заповеди человеческого бытия. Характер героя перерастает грани камерной семейной истории и поднимается до масштабов типических обобщений. Плотность, концентрированность письма при внешней легкой архитектонике и подчеркнутой простоте — еще одна отличительная черта прозы Анатолия Алексина. Из его повестей очень трудно вычленишь конструкцию, и это придает им очарование целостности и органичности.

Владик вырастет в хищника, конечно, не только из-за природных задатков, но и потому, что они для своего развития нашли почву в семье. Родители близнецов — порядочные, честные, но разные люди. Вообще, художественный мир повести в большой степени строится на не-

видимой, скрытой, но все же очень разработанной системе оппозиций. Отец Сани и Владика — человек терпимый и мягкий, мама — много категоричнее. Даже самые верные правила человеческой жизни можно сделать невыносимыми, возведя их в непререкаемый принцип. Существует расхожая истина, что все люди рождаются одинаковыми. И вот мама, как человек любящий, справедливый и желающий своим детям только хорошего, стремится все время уравнять сыновей. А в итоге получается, что Владик всякое превосходство в ком-либо воспринимает как личное оскорбление, как обиду и борется с ним всеми доступными способами. Но «зыскательное искусство» — это всегда еще и художественная полемика с застывшими догмами, и потому самим ходом повествования автор, не навязывая своего отношения, ведет нас к тому, что мы свою душу, свои симпатии отдаем Сане и его отцу, который говорит, что мы за равенство людей, но не может быть равенства талантов, способностей. «Разве можно дарование и отсутствие оногo причислять под одну гребенку?»

Сам сюжет повести здесь явился тонким инструментом исследования жизни. Возможность возникновения конфликта свидетельствует о том, что воспитание, взятое в широком смысле этого слова, стало очень сложным, нелегким делом, одних добрых намерений теперь мало,

нужны пронзительность, такт, а может быть, пересмотр каких-то наших нынешних взглядов. Удивительно: простые на первый взгляд повести А. Алексина рождают ощущение сложности мира, открывающейся глубины, неоднозначности людей, жизни. Это ощущение пронизывает все художественные уровни произведения.

Проза Алексина — литература большого доверия к своему читателю. Писатель не решает за нас, кто прав, кто виноват, его отношение к людям выражается эстетически. Характер летит постепенно, и часто лишь по постоянному употреблению героем штампов, назидательных устоявшихся истин мы догадываемся о том, что симпатии автора не на его стороне, ведь штамп — это застывшая форма, не способная передать и осмыслить сложную связь явлений. И хотя с большой долей справедливости последние работы писателя можно назвать повестями воспитания, в них совершенно отсутствует педагогическая дидактика, потому что дидактика, тоже «спрямляя» и упрощая жизнь, не дает ощутить пульсацию чужой боли, которую так стремится донести до всех автор.

«Если б можно было предвидеть, какое у него, у этого грядущего, будет лицо...» — мечтательно говорит один из героев повести. И вполне закономерно, что проза Анатолия Алексина, первого из советских писателей удостоенного Международной премии социалистических стран имени М. Горького за лучшие произведения прозы о мире юности, — материализованное осуществление этой мечты. Ведь рассказывая о молодых людях, о нравственном становлении юношества, он художественно проектирует будущее. В этом благородный общечеловеческий пафос его творчества.

Игорь КУВШИНОВ